

Григорий ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ХРИСТОС БЫЛ АТЕИСТОМ

Век, Москва, — 2004. — 15 июля. — с. 4

Не боясь впасть в преувеличение, скажу, что имя это — легенда. Защитник Сталинграда, узник ГУЛАГа, диссидент, чьи философские статьи власти рассматривали как «призыв к свержению советского общественного и государственного строя». Мыслитель, к мнению которого и сегодня прислушиваются коллеги-философы, он и в свои 86 лет продолжает писать книги, которые издаются и, что гораздо важнее, с интересом читаются.

Не доктор и даже не кандидат

— Григорий Соломонович, вы — автор десятка книг, могли бы стать доктором философских наук по совокупности опубликованных работ, но не стали таковым. Почему?

— Мне два раза срывали защиту. В первый раз не дошло даже до защиты — материалы моей диссертации были изъяты и сожжены при моем аресте в 1949 году.

А во второй раз, когда уже был опубликован автореферат на тему, очень далекую от политики: «Некоторые течения восточного религиозного нигилизма», я заодно с другими подписал протест по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и других. Моя фамилия была упомянута на Биби-си. И когда собрались на защиту, председательствующий объявил, что, к сожалению, нет кворума. А между тем на мою защиту пришел академик Конрад, чтобы поддержать меня. Он стукнул палкой и произнес: «Шито белыми нитками!» Потом подсчитали, кворум был. Но — в итоге! — я являюсь академиком РАН (Российская академия естественных наук).

— Это хоть что-то дает в материальном плане?

— Ничего!

— Как же вы существуете?

— По мере того как мы с женой стали публиковать наши книги, дела пошли неплохо. В 1990 году за книгу о Достоевском мне заплатили гонорар — 6000 рублей, я на эти деньги издал книгу стихов Зины (Зинаида Миркина — поэт, жена Г. С. Померанца. — В.Н.). А потом, по мере того как издавались наши книги, возникли друзья этих книг, которые давали деньги на следующие книги, и так далее. За некоторые книги, которые были выгодны издательствам, мы получали гонорары, например, за «Великие религии мира», изданную уже дважды.

— Какую пенсию вы получаете?

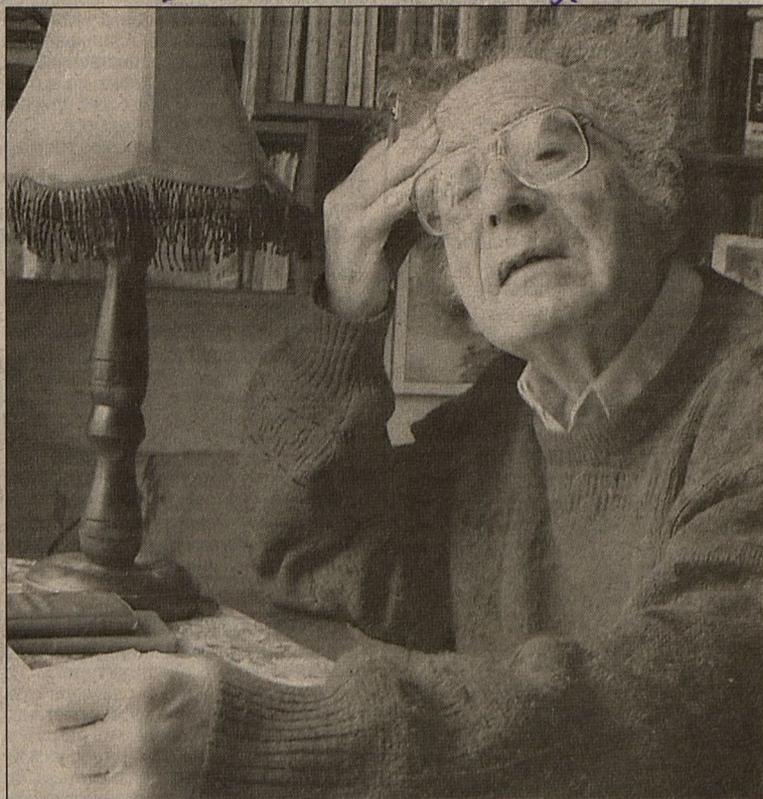
— Как инвалид Великой Отечественной войны. И еще при Ельцине меня представили к какой-то президентской пенсии, которую Путин обрезать до 1000 рублей, они постепенно таят от инфляции. В общем, я получаю тысяч пять, мы на них питаемся, а лекарства покупаем на гонорары от моих книг. Лекарства очень дорогие, я держусь только за счет дорогих импортных лекарств.

— Какие ваши книги увидели свет в текущем и минувшем году?

— Вторым изданием вышла книга «Открытость бездне. Встречи с Достоевским». И вторым же, расширенным, изданием вышла лучшая моя книга — «Записки гадкого утенка». Причем она вышла на деньги читателей, живущих в Америке.

— Как вы «ладили» с режимом Брежневца?

— Самая большая неприязнь у меня была тогда, когда я после выступления по ТВ отца Дмитрия Дудко написал статью «Акафист пошлости». Я писал о том, что КГБ развращает народ такими телевизионными постановками (имею в виду раскаяния диссидентов по ТВ), создавая впечатление, что не существует такого порядочного человека, которого нельзя сломить. Меня вызвали на Большую Лубянку, промывали там мозги, но я написал в объяснении, что не считаю свою статью вредной, что слишком стар, чтобы вести политическую борь-

бу, но печатание статей и книг на литературные и философские темы за границей санкционирую. Таким образом, я отступил, как говорится, на заранее подготовленные позиции. Меня отпустили домой, но некоторое время ломали мой почтовый ящик, вели себя так, что вот-вот меня посадят. Но потом — перестройка...

С кем велите знаться?

— Что, по-вашему, представляет собой нынешняя ситуация в России?

— Как показывает статистика, 70% населения желает стабильности и некоторого повышения зарплат бюджетникам. Это можно обеспечить за счет цен на нефть, которой у нас, слава богу, много. Сколько это будет длиться, я не знаю. По крайней мере, пока не изменится экономическое положение, то есть пока нефть не пожелает подешеветь. Когда это случится, экономическая система потерпит крах, а пустые желудки выразят недовольство. Или народ достаточно просветится, чтоб захотеть чего-то большего, чем самое необходимое.

— Политический режим Путина демократичен?

— Насколько я могу понять, Путин исходит из того, что для того, чтобы крепко держать власть, вполне достаточно контролировать телевидение и время от времени сажать одного неугодного человека. В то же время газетам, которые читает ограниченное число людей, разрешается Путина критиковать. Эта система близка к системе Берлускони... Политического террора никакого нет, мы страдаем от коррупции и бандитизма. За последние годы были убиты две мои знакомые. Такой частоты уголовных преступлений не было при старом режиме, коррупция и криминальность выросли. Это не вина Путина, это он получил в наследство, пытаюсь выйти из положения за счет кадров КГБ, которых в старину считали неподкупными. Но дело в том, что эти кадры несколько лет не были востребованы и научились брать взятки, как все остальные.

— Почему у нас нет настоящей оппозиции?

— Я думаю, этому препятствует прежде всего позиция православной церкви, которая не стала опорой демократии, как западные церкви, при переходе от тоталитаризма к демократии. Там сразу были созданы христианско-демократические партии, которые, опираясь на авторитет церкви, повели общество по демократическому пути. Таким образом, одно плечо коромысла было христианско-демократическим, другим плечом были подлинно-

социал-демократические партии. И образовалось нормальное коромысло парламентского механизма. У нас же место социал-демократической партии заняла КПРФ, от которой пахнет сталинизмом на расстоянии пяти километров. Таким образом, одного плеча не было. Тем более велика была возможная роль христианской демократии. Но ничего не получилось! Потому что при нынешнем православии у нас возможно христианское чернотенство, но не христианская демократия. Единственный православный иерарх, на которого могла бы опираться христианская демократия (по его убеждениям), жил и умер в Лондоне и никогда не получал зарплату от Патриархии. Это Антоний Суровский. А здесь, дома, не из кого выбирать! Патриарх Алексий II едва ли не самый либеральный из всех, другие еще чернотеннее. В этих условиях электорат не подготовлен к политической свободе, у нас нет партий, за которые можно было бы голосовать.

— А «Яблоко» и СПС?

— Это лишь зародыши политических партий, такие партии держатся только на авторитете лидера и рассыпаются, как только исчезает его рейтинг. Фактически русский избиратель после большевистского использования слова как формы лжи не верит ни в какие слова, а верит только в симпатичное или несимпатичное лицо. Одно время понравился Ельцин, потому что его травил. Потом в нем разочаровались — как в человеке беспомощном, который ничего не смог сделать в обстановке хаоса. Затем была короткая вспышка рейтинга генерала Лебеда — человека, несомненно, симпатичного, говорившего, в отличие от всех наших политических деятелей, хорошим русским языком, но разбирался он в делах на уровне командования своей армией. А потом из ничего создали рейтинг Путину.

Так что сейчас наш народ способен выбирать только очередного фюрера, и в этих условиях Ходорковский прав, что большинство народа еще менее либерально, чем Путин. Путин хоть понимает, что необходимы рыночная экономика и какие-то консенсусы с Западом — нельзя просто повернуться к Европе ж... (смеется), как хотят какие-нибудь Рогозины. Но при этом Путин все-таки человек, вышколенный ГБ, и ожидать от него искренней привязанности к демократии трудно.

Реальность целого

— Позвольте теперь задать школьный вопрос: Маркс и Ленин были крупными философами?

— Ленин, по моему, философом вообще не был — ни крупным, ни мелким. Что касается Маркса, то это крупная фигура в истории человеческой мысли, что признавал и Бердяев. Оценить его творчество однозначно нельзя. Ранний Маркс был гораздо интереснее позднего, забравшегося в экономику и отошедшего от философии. Но теория отчуждения, созданная ранним Марксом, прочно вошла в теорию философии.

— Пастернак ведь получил философское образование...

— Я не думаю, что он был философом. Это человек, мысливший скорее интуитивно-целостно и ассоциативно-поэтически, чем логически последовательно. У него замечательные прорывы к восприятию целого как реальности. Реальность целого сознают очень немногие, например, сознает Сент-Экзюпери. У него есть об этом и в «Военном летчике», и в «Цитадели». А вот что философски замечательно у Пастернака:

*Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность,*

точность тайн.

*Не занимайся точками в пунктире
И зерен в мере хлеба не считай.*

Это интуитивное чувство целого, развернутое в стихах! Другое замечательное философское стихотворение Пастернака вы тоже хорошо знаете:

О, знал бы я, что так бывает...

— Ваш любимый философ, Григорий Соломонович?

— Трудно сказать. Я прочел всего Гегеля, могу читать его как роман. Я сильно им увлекался, но потом увидел во всем этом белые нитки. Целое можно чувствовать, но его нельзя систематизированно выразить. И скорее чувство целого легче выразимо в притчах, стихотворениях и так далее, чем в философских трактатах.

— В обществе до сих пор спорят о книге Солженицына «Двести лет вместе». Многие упрекают его в антисемитизме...

— Истоки антисемитизма Солженицына — в его детстве. У мальчика Сани евреи вызывали раздражение, потому что в 20-е годы роковым был не 5-й, а 6-й пункт — не национальность, а соцпроисхождение. У семьи Солженицыных 6-й пункт был плохой — это вы знаете, поэтому его мать подвергалась дискриминации, семья жила в нищете, в то время как адвокаты и врачи, в основном евреи, считались трудящимися — 2-го или 3-го сорта, но все-таки — трудящимися. Некоторые из них держали прислугу.

Вся эта обстановка юного Солженицына раздражала, и, собственно, та ссора, которую он описывает в романе «В круге первом», заключалась в том, что он дразнил мальчика «жид пархатый, г...м напхатый», и завязалась драка... Когда я все это в Солженицыне понял, я перестал испытывать к нему какое-либо раздражение: человек с трудной биографией, и не он один, это несчастье истории, что возникают такие люди.

— Какая литература вам по душе?

— Последнее время мы с Зиной увлеклись Энтони де Мелло. Он умер в 1987 году, был католическим священником. В его притчах он создал — как бы сказать? — крышу над всеми догматическими системами. Вот одна из его притч. Христа пригласили на футбол, играли крестоносцы с протестантами. Сперва крестоносец забил гол. Христос подбросил шляпу. Потом забил гол протестанты, Христос закричал: «Ура!» Сосед тронул его за плечо: «Парень, ты за кого болеешь?»

«Ни за кого, — ответил Христос, — меня увлекает игра».

«Атеист», — пробормотал сосед...

Беседовал Владимир НУЗОВ

После работы Григорий Соломонович
15.07.04